
Российские этнобурбы? Роль мест резидентной концентрации в пространственных траекториях мигрантов в городах-миллионниках

А.А. ОРЛОВА*, Е.А. ВАРШАВЕР**, Н.С. ИВАНОВА***

*Анастасия Анатольевна Орлова – исследователь Группы исследований миграции и этничности, стажер-исследователь Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, orlova-aa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4245-5113>

**Евгений Александрович Варшавер – кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, исполняющий обязанности директора Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, varshavere@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

***Наталья Сергеевна Иванова – магистр социологии, ведущий исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, nataliya.ivanova.0709@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

Цитирование: Орлова А.А., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. (2026) Российские этнобурбы? Роль мест резидентной концентрации в пространственных траекториях мигрантов в городах-миллионниках // Мир России. Т. 35. № 2. С. 126–150. DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-2-126-150

Аннотация

В настоящее время в России повышенное внимание уделяется вопросам, связанным с появлением в российских городах «мигрантских» районов. Хотя существуют исследования, которые посвящены складыванию мест резидентной концентрации и темам, так или иначе затрагивающим особенности жизни мигрантов в таких местах, остается неизученным вопрос о роли мест концентрации в резидентных траекториях мигрантов. В статье на основании данных, собранных с помощью опроса в социальных сетях с использованием техники гиперлокального таргетинга, которая позволяет заполнить анкету людям, фактически проживающим в том или ином районе, описываются резидентные траектории мигрантов в российских городах-миллионниках. На основании анализа характеристик мигрантов, определяющихся разными траекториями, предпри-

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Статья поступила в редакцию в октябре 2025 г.

нимается попытка ответить на вопрос: чем на самом деле являются такие места для мигрантов – «воротами» в город, пройдя через которые мигранты через некоторое время расселяются по другим районам, местом долговременного межпоколенного проживания или чем-то иным. Согласно результатам исследования, большинство мигрантов не проживает в местах резидентной концентрации. С другой стороны, мигранты, проживающие в таких районах, могут переехать после опыта жизни в другом районе. Проживающие в местах резидентной концентрации мигранты не отличаются от жителей других районов во владении русским языком, в социальном окружении, уровне образования и профессиональных позициях, но, получая меньший доход, парадоксальным образом чаще приобретают недвижимость.

Авторами статьи предпринята попытка проанализировать места резидентной концентрации как известные в науке «этнобурбы», куда мигранты приезжают с семьями и намерением остаться в России на долгий срок, извлекая из такого места жительства ряд резидентных преимуществ – наличие мигрантской инфраструктуры, социальных связей и т. д. Отмечается, что места резидентной концентрации скорее привлекают для переезда мигрантов мужского пола, образованных мигрантов и тех, кто хорошо знает русский язык, что не позволяет рассматривать такие места в качестве анклавов бедности, привлекающих мигрантов из низших слоев населения. С учетом ограничений, связанных с таргетингом респондентов через социальные сети, полученные выводы могут стать пилотной работой в рамках изучения роли мест концентрации мигрантов в резидентных траекториях мигрантов в России.

Ключевые слова: мигранты, характеристики мигрантов, места резидентной концентрации, городские районы, резидентные траектории, города-миллионники

Введение

Сегодня в России активно обсуждается возникновение в российских городах «этнических» или «мигрантских» районов. Повышается интерес к вопросу расселения мигрантов, что отражается в различных рейтингах / народных картах районов с высокой долей мигрантов¹, и, кроме того, проблематизируется вопрос перемещений мигрантов внутри города или региона^{2,3}. При этом существуют противоположные точки зрения на вопрос о том, существуют ли «мигрантские» районы в России. Некоторое время российские исследователи сходились во мнении, что таких районов в стране нет, а их отсутствие во многом объясняется советским эгалитарным наследием [Вендина 2004; Demintseva 2017]. Данной точке зрения противостояли высказывания экспертов в СМИ и авторов работ, выполненных на материале исследований российских городов, где вблизи рынков были

¹ Рогоза А. (2013) Окраины Москвы превращаются в этнические анклавы? (2013) // Комсомольская правда. 16 октября 2013 // <https://www.msk.kp.ru/daily/26146/3035484/?ysclid=mawprfun21647634913>, дата обращения 01.09.2025.

² Перемещения мигрантов в Москве и Подмосковье будут отслеживать через приложение (2025) // Asia-Plus. 21 мая 2025 // <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/laworder/20250521/peremetsheniya-migrantov-v-moskve-i-podmoskove-budut-otslezhivat-cherez-prilozhenie?ysclid=maxn4rqfhhk217367240>, дата обращения 01.09.2025.

³ Юмагузин В. (2016) Потоки мигрантов отследят по сим-картам // IQ Медиа. 18 мая 2016 // <https://iq-media.ru/archive/182477190?ysclid=maxn8i3m8j562355964>, дата обращения 01.09.2025.

обнаружены места резидентной концентрации мигрантов (МРК) [Лысенко 2008; Дятлов, Григоричев 2013; Бедрина, Паньшина 2017; Авдашкин 2021].

В 2018 г. Группой исследований миграции и этничности был запущен проект, посвященный комплексному изучению МРК в российских городах. Исследования проводились на основе смешанных методов – анализа статистики и литературы, экспертных, глубинных и экспресс-интервью, наблюдения, данных онлайн-опроса; итоги этой работы были опубликованы в нескольких изданиях [Варшавер и др. 2020; Ермакова и др. 2020]. По результатам исследований было показано, что МРК в России действительно складываются вокруг крупных рынков, однако такие места оказываются значительно меньше административных районов, а доля мигрантов в них не превышает отметки в 50%, что не создает предпосылок для сегрегации на общегородском уровне [Varshaver et al. 2025].

Несмотря на то, что исследования Группы исследований миграции и этничности позволили существенно продвинуться в понимании того, как формируются МРК, на ряд вопросов ответы даны все же не были. В частности, на данный момент неизученным остается вопрос о роли МРК в пространственных траекториях мигрантов в городе. Являются ли места резидентной концентрации территориями, где процветает застойная бедность, отсутствуют перспективы для резидентной мобильности, или, напротив, такие места позволяют мигрантам накапливать дополнительный капитал, являясь «воротами» в принимающее общество и другие районы города? В данной статье предпринимается попытка описать резидентные траектории мигрантов на примере российских городов-миллионников и на основании анализа характеристик мигрантов, придерживающихся разных траекторий, ответить на вопрос: чем на самом деле являются такие места для мигрантов.

Обзор литературы

На текущий момент отсутствует общепринятое определение мест резидентной концентрации мигрантов. В СМИ часто упоминаются анклав, воспринимаемые как территории с негативной коннотацией, где доля мигрантов превышает некоторую критическую отметку, при этом основанием для выделения таковой служит не статистика, а различного рода конфликты и столкновения интересов местных и мигрантов (из-за совершаемых преступлений, мест в школах / поликлиниках / детских садах). В исследованиях, которые будут приведены далее, МРК прежде всего связываются с указанной в переписных источниках статистической долей мигрантов, проживающих в МРК, в сравнении с другими районами. Признавая важность статистического измерения числа проживающих в МРК мигрантов по данным государственной статистики, следует отметить и ограничения подобного метода – в том числе использование административными ресурсами достаточно больших единиц агрегации данных (целые городские районы) и частое занижение числа проживающих мигрантов. Подробнее о выделении авторами мест резидентной концентрации из прочих территориальных единиц в городе будет сказано в методологическом блоке после описания существующих в литературе подходов к работе с МРК.

Одним из наиболее известных подходов к изучению МРК мигрантов считается метод, связанный с анализом переписей и реестров населения

[Hartog, Zorlu 2009; Jahn 1950; Massey, Denton 1988]. Ключевым словом здесь является «сегрегация», и именно ее уровень, выраженный в индексах, рассчитывается на основании статистических данных. Оценивая с той или иной степенью достоверности распределение мигрантов по территории города или региона, такого рода исследования не дают ответа на вопрос, как МРК складываются и какую роль играют в пространственных траекториях мигрантов. Более того, МРК зачастую представляют собой относительно небольшие места, не укладывающиеся в логику административно-территориального деления города и не поддающиеся математическому описанию.

Другой подход к изучению МРК мигрантов связан с описанием механизмов формирования таких территорий. В этой связи впервые приблизиться (хотя и косвенно) к ответу на вопрос, какую роль играют МРК мигрантов в их пространственных траекториях, позволили исследования представителей Чикагской школы социологии. Пространственные отношения в моделях «чикагцев» рассматривались как выражение социальных отношений, а расселение мигрантов объясняется с помощью таких концепций, как концентрические зоны [Park, Burgess 1921] и этническая сукцессия [Cressey 1938], и было тесно связано с позицией конкретной этнической группы в «цикле расовых отношений» [Burgess 1925]. В целом, данный подход предполагает, что мигранты, прибывая в новый город, селятся в зонах транзита, которые примыкают непосредственно к центру города. Специфика таких зон заключается в их зависимости от роста центра как зоны активной экономической деятельности и относительно низкой стоимости жилья. По мере накопления ресурсов и ассимиляции мигранты перемещаются ближе к периферии, где условия жизни лучше, а на их место прибывает новая группа. Тем самым воспроизводится модель, которую условно можно назвать моделью «ворот»: пространство резидентной концентрации оказывается для мигрантов первым местом жительства, а по мере улучшения социально-экономических позиций их место жительства меняется. Теория «чикагцев» была уместной в контексте американского города XIX–XX вв., но не подходила для описания целого ряда иных страновых и более поздних временных случаев, в связи с чем дополнялась другими исследователями [Massey, Denton 1985].

В 1990-х гг. в США и Канаде был обнаружен новый тип МРК мигрантов, не соответствующий модели «чикагцев», – так называемый «этнобурб» [Li 1998; Zhou et al. 2008] – и предполагающий особую логику пространственного поведения мигрантов. Было выдвинуто предположение, что существует модель, по которой мигранты, отличающиеся более высоким статусом, в основном селятся в пригородах со смешанным населением, но с преобладанием представителей одной этнической категории. При этом в некоторых случаях этнобурбы могут возникнуть из-за новых мигрантов в районе, а в других они образуются, когда мигранты переезжают в эти локации из иных районов. Ключевым отличием от модели представителей Чикагской школы здесь является то, что МРК мигрантов оказывается для них конечной точкой пребывания в городе или регионе.

Несмотря на то, что большинство исследователей сходится во мнении, что мигранты имеют тенденцию жить в бедных районах с высокой концентрацией этнических меньшинств, работ, в которых более детально и на конкретном эмпирическом материале изучались бы пространственные траектории мигрантов (включая их вариативность и мотивации к переезду), значительно меньше.

По какой же логике происходят перемещения мигрантов между МРК и другими районами города? Анализ существующей литературы позволяет выделить несколько векторов. Следуя траектории, к изучению которой косвенно подошли «чикагцы», по мере улучшения социально-экономических позиций мигранты могут переселиться из худших районов в районы с лучшими условиями жизни, и этот процесс совпадает с движением из районов с преобладанием их соотечественников в районы этнического большинства. В данном случае МРК выступают для мигрантов промежуточными пунктами в стране пребывания, где сформированная сеть социальных связей с соотечественниками и доступные места приложения труда позволяют накапливать капитал для будущего переезда. В работе Х. Лян, посвященной резидентной мобильности китайских мигрантов в Японии, в отношении анклавов применяется термин «шлюзы», которые пропускают через себя прибывающие в страну потоки мигрантов [Liang 2025].

Кроме того, вне зависимости от улучшения социально-экономических позиций мигранты, изначально приехав в МРК, могут остаться жить в нем, поскольку больший доход позволяет улучшить условия жизни в районе первоначального пребывания, сохранив при этом поддержание желаемых культурных и социальных связей. Анализ М. Шена и коллег резидентной мобильности мигрантов, проживающих в этническом районе в Пекине, показал, что социальные связи являются наиболее сильным предсказателем намерений мигрантов остаться жить в МРК даже в сравнении с такими факторами, как удовлетворенность жилищными условиями, расстояние до работы и др. [Sheng et al. 2019]. В таком случае МРК оказывается для мигранта конечной точкой, пребывание в которой связано с извлечением ряда резидентных преимуществ. Несколько отличной от этой ситуации является траектория, при которой мигранты переезжают в МРК из другого района. Однако за исключением нескольких работ, посвященных этнобурбам [Li 1998; Zhou et al. 2008], в литературе такие случаи не представлены.

И, напротив, проживание в МРК, где качество жизни может быть сравнительно хуже, чем в районах с преобладанием этнического большинства, способно приводить к попаданию в социальную и экономическую ловушку, препятствующую доступу мигрантов к каким-либо другим районам, в том числе районам проживания с лучшими характеристиками, а сами районы в таком случае могут превращаться в территории застойной бедности. Например, в работе Р. Альбы и коллег, посвященной пространственным траекториям латиноамериканцев в США, было продемонстрировано, что проживание в МРК связано с более слабыми социально-экономическими, правовыми и лингвистическими характеристиками, затрудняющими дальнейшую резидентную мобильность [Alba et al. 2013]. Место резидентной концентрации оказывается для мигрантов своеобразным «болотом», переезд из которого в другие района оказывается затруднен, а иногда и невозможен.

Важно отметить, что не только такие характеристики мест резидентной концентрации, как наличие мест приложения труда, уровень заработных плат, сформированная сеть социальных связей предопределяют пространственные траектории мигрантов. В данной связи интересна сравнительная работа А. Лумлей-Сапански и коллег, посвященная изучению резидентной мобильности иракцев, бирманцев и бутанцев в Чикаго [Lumley-Sapanski 2020]. На основании анализа эмпирического материала авторы показывают, что после прибытия в страну три группы следуют по очень разным резидентным траекториям, несмотря на то, что изначально они

оказались в одном районе, а такое разнообразие траекторий объясняется различиями в характеристиках проживания представителей разных этнических категорий до переезда в новую страну, стремлением восстановить прошлый образ жизни. Все пространственные траектории мигрантов по отношению к МРК, безусловно, не исчерпываются описанными⁴, но являются наиболее часто встречающимися в исследовательской литературе.

Применительно к российскому контексту следует упомянуть работы, посвященные складыванию мест резидентной концентрации мигрантов [Varshaver et al. 2025] и расселению мигрантов в Москве и Московской области в связи с интеграционными переменными [Варшавер и др. 2020]. В некоторых работах упоминаются такие аспекты резидентной мобильности, как этническая дискриминация в районах [Вендина 2004], барьеры для мигрантов на рынке недвижимости [Kashnitsky, Gunko 2016] и в области получения школьного образования [Деминцева 2020], интеграционный потенциал мигрантов и его связь с анклавами [Мадюкова, Персидская 2017], намерения мигрантов относительно жизни в России [Флоринская 2023], однако именно пространственные траектории мигрантов в городах оказываются в этих работах скорее побочным сюжетом, чем самостоятельным объектом исследования.

Методология

Предложенное исследование является продолжением проекта Группы исследований миграции и этничности, посвященного расселению мигрантов, и в том числе – местам резидентной концентрации мигрантов в российских городах-миллионниках [Варшавер и др. 2021]. Под местами резидентной концентрации, в отличие от общеупотребимого термина «этнический район», подразумеваются вернакулярные, а не административные, районы, где доля мигрантов сравнительно высока. Для определения приблизительной доли мигрантов, живущих в исследуемом месте, использовались интервью с мигрантами и местными жителями, которые включали вопросы о количестве мигрантов, проживающих по соседству с информантами, поскольку существующая официальная статистика не дает ответа на искомый вопрос об актуальной доле мигрантов, проживающей на сравнительно небольших территориях (подробнее: [Varshaver et al. 2025]). Дополнив эти данные интервью с местными экспертами (директорами школ, продавцами и др.), поквартирным обходом некоторых домов, изучением прилегающей застройки, вернакулярные районы были классифицированы от абсолютно немигрантских до в основном мигрантских. Основываясь на приведенных категориях, авторы статьи использовали следующие критерии для определения мест проживания мигрантов:

- 1) доля мигрантов, проживающих в этом месте, значительна (более 20%);
- 2) рядом находится большой и преимущественно оптовый рынок;
- 3) рынок расположен на одном и том же месте на протяжении длительного времени;

⁴ Например, МРК также могут выступать местом для краткосрочного пребывания мигрантов, занятых в транснациональной торговле, наподобие квартала Сяобей в Гонконге [Li 2009].

4) жилая застройка представлена дешевыми многоквартирными домами и цены на недвижимость здесь относительно низки;

5) массив жилой застройки сравнительно небольшой и пространственно отделен от другой застройки.

Итогом работы стал список из 37 случаев, ранжированный по их близости к «образцовому» МРК, которое определялось по наиболее полному соответствию всем критериям. Таким оказался сравнительно небольшой жилой район Темерник, прилегающий к одноименному рынку в Ростове-на-Дону, где доля квартир, занимаемых мигрантами в ближайших к рынку домах, составляет не менее 40%, уменьшаясь по мере удаления от рынка [Varshaver et al. 2025].

Последним этапом сбора данных стал шестизычный онлайн-опрос (с возможностью выбора языка прохождения опроса в самом начале⁵), проведенный в октябре–ноябре 2020 г., в рамках которого были созданы выборки, включающие анкеты, собранные в городах-миллионниках, и дополнительно в 11 районах резидентной концентрации мигрантов по девяти городам⁶ с применением гиперлокального таргетинга⁷. Выбор городов и районов учитывал проранжированный перечень МРК и корректировался, исходя из оценки достижимости конкретных локаций для таргетирования⁸. В качестве платформ для распространения анкеты использовались три социальных сети – ВКонтакте, Инстаграм⁹, Одноклассники, а для набора респондентов были установлены квоты на основании социальной сети, страны происхождения и города проживания в России; до закрытия квоты анкеты собирались поточно. В общий массив данных вошли анкеты мигрантов первого поколения¹⁰ и местных жителей, а собранный массив был очищен от незаполненных анкет и от анкет респондентов, которые прошли опрос быстрее, чем за 5 минут; а также от тех, кто указал возраст меньше 18 лет или больше 99 лет.

Ключевые группы, связанные с конкретными резидентными траекториями мигрантов, были сформированы на основании ответов мигрантов на вопрос о месте проживания в городе: «В рамках этого опроса нам также необходимо

⁵ Перечень доступных для выбора языков – русский, азербайджанский, армянский, киргизский, таджикский, узбекский.

⁶ Данные опроса собраны по следующим городам и вернакулярным единицам: Ростов-на-Дону (район Темерник), Екатеринбург (район Сортировка), Самара (район Авиагородок), Новосибирск (застройка вблизи Хилокского рынка и Гусинобродского шоссе), Красноярск (район КрасТЭЦ), Уфа (район Затон), Челябинск (застройка вблизи улиц Комаровского/Калмыкова), Волгоград (застройка возле Тракторозаводского рынка) и Москва (район Южный и застройка вблизи улицы 2-й Покровский проезд).

⁷ Гиперлокальный таргетинг – это способ достижения респондентов в онлайн-опросах, в рамках которого ссылка на опрос показывается в социальных сетях и на других сайтах только людям, которые проживают на определенной ограниченной (от 0,5 км) территории (подробнее о методологии опроса [Иванова 2023; Варшавер и др. 2022]).

⁸ Достижимость локаций для таргетирования означает возможность получения анкет именно жителями МРК: на этом основании данные собирались по местам резидентной концентрации, в достаточной степени отделенным от прочих жилых единиц с отличными характеристиками.

⁹ Запрещенная на территории РФ социальная сеть.

¹⁰ В данной работе под мигрантами подразумеваются люди, которые родились не в России, а также в целом воспринимаются населением, родившимся в России, в качестве культурных чужаков. Основанием для включения респондента в категорию мигрант стал факт рождения в одной из следующих стран: Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. Существуют устоявшиеся определения мигрантов как всех людей, родившихся на территории иностранных государств или имеющих нероссийское гражданство, однако зачастую они используются для управления миграционными процессами, социологические же определения мигрантов обычно носят более размытый и утилитарный характер [Варшавер и др. 2020].

опросить жителей окраинных районов, поэтому ответьте, пожалуйста, находится ли это жилье в районе, который называют [название района]?». В случае положительного ответа респонденты были отнесены к (1) группе живущих в МРК. Отрицательный ответ означал, что мигрант проживает в другом районе города, и таким респондентам задавался дополнительный вопрос: «А раньше Вы жили в районе, который называют [название района]?». Положительно ответившие на этот вопрос были отнесены к (2) группе переехавших из МРК, ответившие отрицательно – к (3) группе никогда не живших в МРК. Респонденты, ответившие «не знаю», не были включены в финальный анализ. Кроме того, важно отметить, что респондентам из Москвы из-за особенности формирования анкеты, связанной с тем соображением, что вероятность получения ответа о проживании в МРК в Котельниках среди всех опрошенных в Москве, учитывая численность населения города, крайне мала, второй вопрос задан не был. В связи с этим число респондентов, отнесенных к группе переехавших из МРК, определено как минимальное.

Для живущих в МРК на основании ответов на вопрос «А жили ли Вы где-то еще в [название города]?» дополнительно были сконструированы две группы – (1.1) те, для кого МРК являлся первым местом жительства, и (1.2) те, для кого МРК стал местом жительства, обретенном после проживания в другом (других) районах города.

Всего в общий массив вошла 2081 анкета, из которых 1286 (62%) анкет приходится на мигрантов первого поколения, 795 (38%) – на местных жителей¹¹. Различия по номинальным переменным были изучены с помощью таблиц сопряженности и критерия Хи-квадрат Пирсона. Анализ количественных и порядковых переменных был проведен с помощью непараметрических критериев Манна-Уитни (для сравнения двух независимых выборок по количественному или порядковому признаку) и Краскела-Уоллиса (для сравнения более чем двух независимых выборок по количественному или порядковому признаку), поскольку предварительная проверка данных с помощью критерия Шапиро-Уилка показала отклонение распределений переменных от условий нормальности. Распределение отдельных переменных было объяснено методом регрессионного анализа.

Сбор данных о мигрантах методом таргетинга в Интернете имеет свои плюсы и минусы. К плюсам можно отнести возможность в сравнительно небольшой срок опросить респондентов, которые обычно выпадают из социологических выборок (например, живущие на стройках или работающие ночью), а также возможность выбора языка заполнения опроса (респонденты должны это сделать в самом начале процедуры); к минусам – ограниченные возможности оценки смещения выборки в связи с отсутствием представления о генеральной совокупности. Как следует из другой работы авторов статьи [Rocheva et al. 2022], непосредственно посвященной этому методу сбора данных и выборке в нем, указанные минусы не отменяют этот метод как таковой: действительно, к соотношениям между выделенными группами следует относиться скорее как к фундированной в данных гипотезе, а кроме того, смещения должны быть отрефлексированы (что и осуществляется в разделе «Заключение и дискуссия»). С учетом этих ограничений и соображений полученные распределения и выводы, сделанные на их основании, могут стать полноценным «кирпичиком» в массиве научного знания о резидентных траекториях мигрантов в России.

¹¹ Для данной статьи за исключением нескольких сравнений анализ осуществляется на основе анкет мигрантов первого поколения.

Результаты анализа

Сначала при описании результатов исследования будет оценена роль мест резидентной концентрации в пространственных траекториях мигрантов посредством анализа распределения респондентов по группам, описанным в методологии. Ключевые задачи заключаются в понимании, действительно ли большинство мигрантов по приезду в Россию селится в МРК; в выяснении, переезжают ли мигранты из таких мест в другие районы города и являются ли МРК исключительно «точкой входа» в город – местом, куда мигрант приезжает, оказавшись в России. Затем будут представлены результаты сравнения групп мигрантов, имеющих различные пространственные траектории в российских городах по социально-демографическим и социально-экономическим характеристикам – полу, возрасту, месту проживания в стране рождения (городу или селу), доходам, уровню образования и профессиональной подготовки, знанию русского языка, кругу общения, владению жильем и некоторым другим важным для дальнейшей интерпретации результатам. Для получения предварительных объяснений различий между респондентами будет проведен регрессионный анализ.

Пространственные траектории

Действительно ли большинство мигрантов, приезжающих в Россию, проживает в местах резидентной концентрации? Ответ на этот вопрос требовал соблюдения условий поточности выборки, в связи с этим был создан подмассив, не включающий в себя анкеты, которые были таргетированы по конкретным МРК мигрантов¹². Результаты анализа показывают, что для большинства мигрантов, живущих в российских городах-миллионниках с ярко выраженными МРК, такие районы не являются текущим местом жительства. Лишь 20% от общего числа опрошенных на данный момент проживает в МРК своего города.

Для мигрантов, живущих в МРК, такой район может являться как первым местом жительства, так и обретенным впоследствии. Распределение ответов на вопрос, имел ли респондент в своей биографии опыт проживания в другом районе, показывает, что доли тех, для кого место резидентной концентрации мигрантов было первым местом жительства (53% от общего числа проживающих в таком районе), и у кого присутствовал опыт проживания в другом районе города (47% от общего числа проживающих в таком районе), приблизительно равны. Иными словами, притом, что большинство мигрантов живет в других районах города, для тех, кто все-таки проживает в МРК, такой район может являться как «точкой входа» в город, куда мигрант сразу переезжает из другой страны, так и местом, куда мигрант приехал, пожив до этого в другом районе (районах) города (*рисунок 1*).

У мигрантов, оказавшихся по тем или иным причинам в МРК сразу или после проживания в других частях города, есть две возможные траектории – уехать из района или остаться в нем жить. Доля мигрантов, уехавших из МРК, по отно-

¹² Всего в такой подмассив вошли 1569 анкет, из которых 1154 (74%) – анкеты мигрантов первого поколения, 415 (26%) – анкеты местных жителей.

шению к тем, кто когда-либо вообще имел опыт проживания в нем – жил и живет в таком месте или из него уехал, составляет 16%.

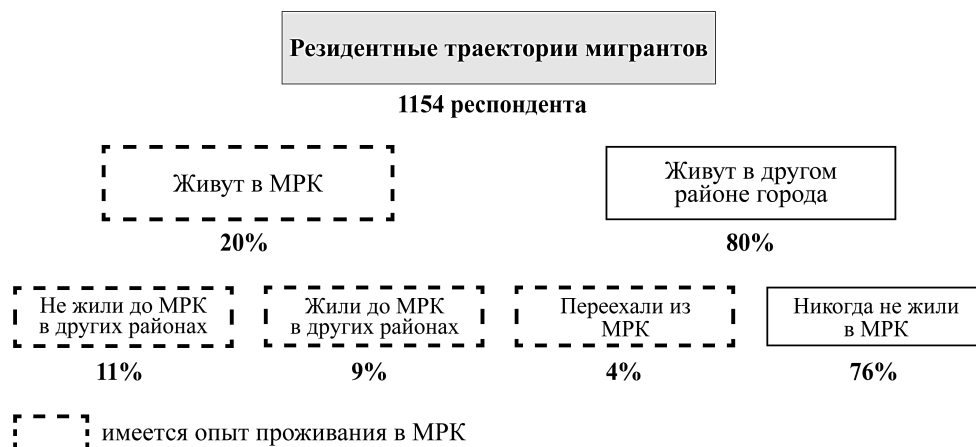

Рисунок 1. Пространственные траектории мигрантов

Чем отличаются мигранты, живущие в местах резидентной концентрации, от мигрантов из других районов?

Для начала важно понять, какие мигранты проживают в таких районах. В поисках ответа на этот вопрос были проанализированы различия между группами мигрантов, которые живут в МРК и в других районах, по социально-демографическим характеристикам – возрасту, полу, месту проживания в стране рождения, однако статистически значимых различий по анализируемым переменным обнаружено не было (*таблица 1*¹³)¹⁴.

В ходе анализа были рассмотрены такие переменные, как образование, знание русского языка и ближайшее окружение мигрантов. По образованию и знанию русского языка между мигрантами, живущими в МРК, и теми, кто проживает в других районах города, не были обнаружены статистически значимые различия: большинство мигрантов в каждой из групп не имеет высшего образования (*таблица 1*), при этом полностью или скорее согласно с тем, что может свободно говорить на русском языке (*таблица 1*). Проживание в МРК оказывается не связано и с кругом общения: у большинства мигрантов (вне зависимости от их места жительства) друзьями являются представители «своей» национальности (*таблица 1*)¹⁵.

¹³ В *таблице 1* представлены сравнения по всем переменным, анализируемым в подразделе.

¹⁴ Медианный возраст респондентов обеих групп – 28 лет.

¹⁵ Следует отметить, что среди мигрантов, живущих в МРК, больше тех, чей круг общения полностью состоит из представителей «своей» национальности (34 и 28% для живущих и не живущих в МРК соответственно). Доля же тех, у кого в круге общения друзья той же национальности преобладают, но круг общения ими не ограничивается, выше у мигрантов, не живущих в МРК (30 и 40% для живущих и не живущих в МРК соответственно).

Таблица 1. Различия между мигрантами, живущими в местах резидентной концентрации и в других районах города, по социально-демографическим и социально-экономическим характеристикам

	МРК		Другие районы проживания		Хи-квадрат Пирсона	Асимптотическая значимость
<i>Пол – мужчина или женщина</i>						
Мужчина	220	66%	561	62%	1,839	0,175
Женщина	111	34%	343	38%		
<i>Место проживания в другой стране – село или город</i>						
Село	158	48%	451	50%	0,368	0,544
Город	173	52%	453	50%		
<i>Наличие высшего образования – имеется или нет</i>						
Нет высшего образования	103	66%	346	67%	0,014	0,906
Есть высшее образование	52	34%	174	33%		
<i>Свободное общение на русском языке</i>						
Полное или частичное согласие с соответствующим высказыванием	66	39%	213	38%	0,012	0,911
Полное или частичное несогласие с соответствующим высказыванием	104	61%	348	62%		
<i>Круг общения</i>						
Все друзья или большинство друзей своей национальности	101	64%	353	69%	0,974	0,324
Нет друзей своей национальности или только некоторые из друзей своей национальности	56	36%	162	31%		
<i>Уровень профессиональной подготовки по классификатору ISCO-08</i>						
Специалисты высшего и среднего звена, офисные служащие	24	39%	63	38%	0,765	0,382
Квалифицированные и неквалифицированные рабочие, занятые ручным или машинным трудом	102	61%	350	62%		
<i>Владение недвижимостью – да или нет</i>						
Не владеет собственностью	188	66%	672	81%	27,828**	<0,01
Владеет собственностью	97	34%	154	19%		
<i>Проживание совместно с семьей – да или нет</i>						
Не живет совместно с семьей	51	21%	181	27%	3,156'	0,076
Живет совместно с семьей	197	79%	501	73%		
<i>Планы на место жительства в будущем</i>						
В другой стране	40	43%	173	54%	2,891'	0,089
В России	52	57%	146	46%		
<i>Наличие российского гражданства – да или нет</i>						
Нет российского гражданства	95	63%	369	72%	3,683'	0,055
Есть российское гражданство	56	37%	147	28%		

Примечание: в таблице используются следующие обозначения уровня значимости связи:

' – $0,1 > p \geq 0,05$;

* – $0,05 > p \geq 0,01$;

** – $0 < p < 0,01$.

Различаются ли мигранты, имеющие разное отношение к МРК, по социально-экономическим характеристикам, включая занимаемые ими профессиональные позиции, уровень дохода и владение собственностью? Распределение профессиональных позиций (шкала ISCO-08), которые занимают на рынке труда мигранты из МРК и иных районов, фактически не различаются (*таблица 1*). Однако имеются различия в доходах: медианный доход жителей районов с высокой долей мигрантов составляет 30000 руб., а мигрантов из других районов – 39500 руб., что практически на четверть больше дохода мигрантов из МРК. Возникает вопрос, можно ли предположить, что разница в уровне дохода конвертируется в различия по факту владения жилой недвижимостью в собственности? В ходе анализа данное предположение не подтвердилось: мигранты из МРК, получая меньший доход, чаще имеют недвижимость в собственности вне зависимости от срока их пребывания в России, хотя в абсолютных значениях большинство мигрантов собственностью все же не владеет (*таблица 1*)¹⁶.

Почему это происходит? Во-первых, возможно, имеются различия в стоимости недвижимости в мигрантских и немигрантских районах, которые позволяют мигрантам, находящимся в районах с высокой долей мигрантов, приобрести жилье. Во-вторых, можно предположить, что МРК, обладая мигрантской инфраструктурой, являются своего рода «точкой оседлости» для мигрантов и их семей. Для проверки этой гипотезы дополнительно был рассмотрен семейный статус мигрантов, живущих в МРК и за их пределами, а также переменные, отвечающие за намерение на долгосрочное пребывание в России. По результатам анализа были обнаружены статистически значимые различия между жителями районов с высокой концентрацией мигрантов и других районов по части «семейности»: жители мигрантских районов чаще, чем те, кто живет в других районах города, проживают со своими семьями (*таблица 1*). Также мигранты, проживающие в МРК, в большей степени по сравнению с теми, кто в таких местах не живет, нацелены остаться жить в России навсегда (*таблица 1*). Такие намерения в свою очередь конвертируются в наличие у мигрантов российского гражданства: жители МРК сравнительно чаще становятся обладателями российских паспортов (*таблица 1*).

Для ответа на вопрос, какие переменные играют большую роль в объяснении факта проживания мигранта в МРК, была рассчитана логистическая регрессионная модель, а переменные, описанные выше и для которых были обнаружены статистически значимые различия, были включены в качестве независимых (*таблица 2*). Модель логистической регрессии была проконтролирована по сроку проживания мигрантов в России. Согласно ее результатам, предиктором проживания в районе с высокой долей мигрантов при учете всех переменных является владение жильем в собственности. Также модель показывает отрицательную связь между уровнем дохода и проживанием в МРК. Дополнительная проверка модели с исключением значимых переменных и переменной, связанной с кругом общения, дает дополнительный эффект в виде отрицательной связи между проживанием в районе города, не относящемся к МРК, и намерением остаться жить в России на постоянной основе (*таблица 2*).

¹⁶ Важно отметить, что 89% опрошенных купили жилье, которым владеют, а не получили его в наследство/от государства/от организации.

Таблица 2. Роль отдельных переменных в объяснении проживания в месте резидентной концентрации

	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Проживание в другом районе города (не в МРК)	DEP	DEP	DEP
Владение жильем (0 – нет, 1 – да)	-0,3718**		
Проживание совместно с семьей (0 – нет, 1 – да)	-0,0871	-0,0507	-0,0507
Планы на место жительства в будущем (0 – в другой стране, 1 – в России)	-0,1167	-0,1684	-0,2560*
Наличие российского гражданства (0 – нет, 1 – да)	-0,3959**		
Доход	0,0109**		
Круг общения (0 – все друзья / большинство друзей своей национальности, 1 – нет друзей своей национальности / большинство друзей не своей национальности)	-0,0228	-0,1032	
Pseudo R квадрат	0,03	0,15	0,15

Примечание: в таблице используются следующие обозначения уровня значимости связи:

' – $0,1 > p \geq 0,05$;

* – $0,05 > p \geq 0,01$;

** – $0 < p < 0,01$.

Место резидентной концентрации – первое место жительства или обретенное впоследствии: с чем связан выбор

На следующем этапе работы были проанализированы различия между жителями МРК мигрантов, для которых такой район был первым местом жительства, своеобразной «точкой входа» в город, и теми, для кого он стал местом жительства, обретенным впоследствии. Данное сравнение оказывается важным для лучшего понимания резидентных траекторий мигрантов: какие мигранты выбирают поселиться в мигрантских районах сразу после переезда из другой страны, а какие некоторое время проживают в другом районе (или других районах) города, а лишь затем переезжают в подобные места.

Анализ различий по социально-демографическим характеристикам показывает, что до поселения в МРК проживают в других районах скорее мужчины – 71 против 55% тех, кто поселился в районе с высокой долей мигрантов сразу по приезду в новую страну. Различия по возрасту отсутствуют, как не существуют и расхождения по сроку проживания в России: для обеих групп средний срок проживания составляет 8–9 лет. Также не наблюдаются статистически значимые различия по месту жительства мигрантов в другой стране – городу или селу (таблица 3¹⁷).

Различаются ли мигранты с опытом проживания в другом районе города до поселения в МРК и не имеющие такого опыта по уровню образования, знанию русского языка и ближайшему окружению? Мигранты, для которых район с высокой долей проживающих в нем мигрантов не был первым местом жительства, чаще имеют высшее образование и чаще в совершенстве владеют русским языком. По кругу общения – дружбе мигрантов с представителями «своей» национальности – различий между двумя группами обнаружено не было (таблица 3).

¹⁷ В таблице 3 представлены сравнения по всем переменным, анализируемым в подразделе.

Таблица 3. Различия между мигрантами, поселившимися в местах резидентной концентрации сразу или после проживания в другом районе, по социально-демографическим и социально-экономическим характеристикам

	Есть опыт проживания в других районах до МРК		МРК – первое место жительства		Хи-квадрат Пирсона	Асимптотическая значимость
<i>Пол – мужчина или женщина</i>						
Мужчина	67	71%	109	55%	16,182**	<0.01
Женщина	28	29%	88	45%		
<i>Место проживания в другой стране – село или город</i>						
Село	59	43%	76	49%	0,815	0,367
Город	78	57%	79	51%		
<i>Наличие высшего образования – имеется или нет</i>						
Нет высшего образования	37	54%	55	74%	5,317*	0,021
Есть высшее образование	31	46%	19	26%		
<i>Свободное общение на русском языке</i>						
Полное или частичное согласие с соответствующим высказыванием	20	27%	37	46%	5,570*	0,018
Полное или частичное несогласие с соответствующим высказыванием	55	73%	43	54%		
<i>Круг общения</i>						
Все друзья своей национальности	19	27%	29	39%	5,485	0,139
Большинство друзей своей национальности	20	28%	25	33%		
Только некоторые из друзей своей национальности	26	37%	15	20%		
Нет друзей своей национальности	6	8%	6	8%		
<i>Уровень профессиональной подготовки по классификатору ISCO-08</i>						
Специалисты высшего и среднего звена, офисные служащие	11	21%	13	21%	0,000	1,000
Квалифицированные и неквалифицированные рабочие, занятые ручным или машинным трудом	42	79%	49	79%		
<i>Владение собственностью – да или нет</i>						
Не владеет собственностью	87	69%	79	59%	2,172	0,141
Владеет собственностью	40	31%	55	41%		
<i>Проживание совместно с семьей – да или нет</i>						
Не живет совместно с семьей	22	22%	17	16%	0,824	0,364
Живет совместно с семьей	80	78%	91	84%		
<i>Планы на место жительства в будущем</i>						
В другой стране	14	35%	22	48%	0,967	0,325
В России	26	65%	24	52%		
<i>Наличие российского гражданства – да или нет</i>						
Нет российского гражданства	42	65%	42	57%	0,595	0,440
Есть российское гражданство	23	35%	32	43%		

Примечание: в таблице используются следующие обозначения уровня значимости связи:

' – $0,1 > p \geq 0,05$;

* – $0,05 > p \geq 0,01$;

** – $0 < p < 0,01$.

Распределение ответов на вопросы, связанные с занимаемыми мигрантами профессиональными позициями и уровнем дохода, показывает, что между рассматриваемыми группами мигрантов различия по данным переменным отсутствуют, как нет и различий по факту владения собственностью. Что касается вопросов «семейности», планов на будущее и наличия российского гражданства, то мигранты, имеющие разные траектории поселения в МРК, также не различаются по данным позициям (таблица 3).

Для ответа на вопрос, какие переменные в большей степени способны объяснить проживание мигранта в другом районе города до того, как он окажется в мигрантском районе, была рассчитана логистическая регрессия, а переменные, описанные выше и для которых были обнаружены статистически значимые различия, были включены в качестве независимых (таблица 4). Согласно ее результатам, предиктором отсутствия опыта проживания в другом районе города до поселения в МРК является пол¹⁸, в то время как другие переменные оказываются незначимыми.

Таблица 4. Роль отдельных переменных в объяснении поселения в месте резидентной концентрации без опыта проживания в другом районе

	Модель 1
МРК – первое место жительства	DEP
Пол (0 – женщина, 1 – мужчина)	-0,6633**
Наличие высшего образования (0 – нет, 1 – да)	-0,0581
Свободное общение на русском языке (0 – полностью не согласен или скорее не согласен, 1 – полностью согласен или скорее согласен)	-0,0581
Pseudo R квадрат	0,17

Примечание: в таблице используются следующие обозначения уровня значимости связи:

^{*} – $0,1 > p \geq 0,05$;

^{*}0,05 > p ≥ 0,01;

^{**}0 < p < 0,01.

Какие мигранты чаще переезжают из мест резидентной концентрации в другие районы города?

Определив, с какими характеристиками и с какими траекториями попадания в такие районы скорее связано проживание в МРК, в этом подразделе будет описано, какие мигранты обычно уезжают из мест с высокой долей мигрантов. Для этого по аналогии с предыдущим анализом сравниваются две группы мигрантов – живущие на данный момент в мигрантских районах и те, кто жил в них ранее, но переехал.

Мигранты, переехавшие из МРК, в среднем старше тех, кто проживает в них на данный момент, что вполне закономерно, поскольку, как правило, на принятие

¹⁸ Мужчины чаще, чем женщины, имеют опыт проживания в другом районе города в своей биографии, что связано в том числе с тем, что мигранты-мужчины чаще получают образование и участвуют в трудовой деятельности [Щербакова 2022], иными словами, являются более мобильными.

решения о переезде требуется время^{19,20}. У тех мигрантов, кто остался жить в МРК, круг общения в большей степени состоит из представителей «своей» национальности, в то время как по знанию русского языка между группами различий нет (таблица 5²¹).

Таблица 5. Различия между мигрантами, живущими на текущий момент в МРК и переехавшими оттуда в другой район, по социально-демографическим и социально-экономическим характеристикам

	Живут в МРК		Уехали из МРК		Хи-квадрат Пирсона	Асимптотическая значимость
<i>Круг общения</i>						
Все друзья своей национальности	54	34%	6	17%	12,694**	0,005
Большинство друзей своей национальности	47	30%	10	29%		
Только некоторые из друзей своей национальности	42	27%	19	54%		
Нет друзей своей национальности	14	9%	0	0%		
<i>Свободное общение на русском языке</i>						
Полное или частичное согласие с соответствующим высказыванием	66	39%	10	26%	1,847	0,174
Полное или частичное несогласие с соответствующим высказыванием	104	61%	29	74%		
<i>Наличие высшего образования – имеется или нет</i>						
Нет высшего образования	103	66%	21	55%	1,211	0,271
Есть высшее образование	52	34%	17	45%		
<i>Уровень профессиональной подготовки по классификатору ISCO-08</i>						
Специалисты высшего и среднего звена, офисные служащие	24	39%	8	30%	0,934	0,334
Квалифицированные и неквалифицированные рабочие, занятые ручным или машинным трудом	102	61%	19	70%		
<i>Владение собственностью – да или нет</i>						
Не владеет собственностью	188	39%	32	65%	0,008	0,929
Владеет собственностью	97	61%	17	35%		
<i>Проживание совместно с семьей – да или нет</i>						
Не живет совместно с семьей	51	21%	181	27%	0,854	0,355
Живет совместно с семьей	6	79%	36	73%		
<i>Планы на место жительства в будущем</i>						
В другой стране	40	43%	173	54%	0,135	0,714
В России	52	57%	146	46%		
<i>Наличие российского гражданства – да или нет</i>						
Нет российского гражданства	95	63%	369	72%	1,610	0,204
Есть российское гражданство	56	37%	147	28%		

Примечание: в таблице используются следующие обозначения уровня значимости связи:

' – $0,1 > p \geq 0,05$;

* $0,05 > p \geq 0,01$;

** $0 < p < 0,01$.

¹⁹ По полу и месту проживания в стране отбытия различий между мигрантами обнаружено не было.

²⁰ Медианы возрастов составляют 32 и 28 соответственно.

²¹ В таблице 5 представлены сравнения по всем переменным, анализируемым в подразделе.

Что касается распределения уровня образования и занимаемых мигрантами профессиональных позиций, то статистически значимые различия здесь также отсутствуют: специалисты высшего и среднего звена в обеих из групп находятся в меньшинстве, а большинство мигрантов не имеют высшего образования.

Различия в доходах между изучаемыми группами значимы, но минимальны: медианный доход меньше у тех, кто переехал из МРК в другой район, он составляет 27500 руб., в то время как медианный доход тех, кто на сегодняшний день живет в районе с высокой долей мигрантов, немного выше – 30000 руб. Также в ходе анализа не было обнаружено различий между группами по факту владения жильем и переменным, которые косвенным образом указывают на долгосрочные намерения мигранта в стране пребывания – «проживание с семьей», «планы на будущее», «наличие российского гражданства»: жители мест с высокой долей мигрантов и те, кто из подобных районов переехал, скорее проживают совместно с семьями, имеют российское гражданство и планы остаться в России на долгий срок (таблица 5).

Заключение и дискуссия

В России большинство мигрантов первого поколения, вопреки расхожему мнению, не проживает в районах, которые условно можно назвать мигрантскими, и такие районы не являются местами, откуда мигрант не может уехать в будущем. Более того, те мигранты, которые все-таки проживают в местах с высокой долей мигрантов, могут попасть в них двумя путями – сразу по приезде в Россию или переехать в МРК из какого-либо другого района города, и в отношении данных траекторий мигранты делятся приблизительно поровну. Иными словами, МРК не является для мигрантов исключительно «точкой входа» в город, возможна и другая траектория: когда мигрант переселяется в такой район после проживания в другом месте. В этом российский случай в значительной степени выделяется на фоне распространенного в СМИ²² и встречающегося в научной литературе [Пешкова 2015] представления о том, что по приезде в новую страну мигранты в большинстве своем сразу концентрируются в местах резидентной концентрации в связи с ограниченными ресурсами и институциональными барьерами, затрудняющими доступ к другим районам с преобладанием местных жителей.

Если предположить, что выборка исследования в той или иной степени отражает распределение в генеральной совокупности, можно сделать вывод, что мигранты из МРК не чаще, чем жители других районов, общаются с представителями «своей» национальности и не различаются во владении русским языком. В связи с этим нельзя утверждать (как это делается в некоторых зарубежных исследованиях [Lazear 1999]), что проживание в районе с высокой долей мигрантов замедляет темпы приобретения человеческого капитала, в частности – знания языка принимающего общества. Мигранты из немигрантских районов не являются более успешными, о чем часто идет речь при описании проблем анклавов и анклавизации²³, хотя между

²² Акбаров У. (2023) Россия будет противодействовать формированию этнических анклавов // *Kun.uz*. 13 мая 2023 // <https://kun.uz/tu/16469712>, дата обращения 01.09.2025.

²³ Ситуации, при которой из анклавов уезжают наиболее успешные мигранты, а на их место приезжают мигранты, имеющие более низкий социально-экономический статус.

группами из МРК и прочих районов города наблюдаются различия по средним доходам; различий по уровню образования и занимаемым профессиональным позициям в ходе исследования обнаружено не было.

В чем же мигранты, живущие в МРК, существенным образом отличаются от тех, кто живет в иных местах? Мигранты из районов с высокой концентрацией мигрантов, получая меньший доход, парадоксальным образом чаще имеют недвижимость в собственности вне зависимости от срока их пребывания в России, при этом для большинства из них недвижимость была именно куплена, а не получена через иные механизмы приобретения недвижимости. Можно предполагать, что МРК воспринимаются мигрантами как некоторая «точка оседлости», в связи с чем и возникает потребность в приобретении собственного жилья. В ходе исследования также было установлено, что жители мигрантских районов чаще, чем те, кто в таких местах никогда не жил, проживают со своими семьями, имеют российское гражданство или намерение остаться жить в России навсегда. Данные наблюдения ставят под сомнение точку зрения, в соответствии с которой в МРК селятся мигранты, ориентированные лишь на временные заработки в России и скорейшее возвращение на родину [Трушкова 2018; Мадюкова, Персидская 2017]. Мигранты, которые живут в МРК, по многим показателям не отличаются от тех, кто живет в других районах, что в том числе связано со значительной эгалитарностью пространственной среды постсоветских городов, предотвращающей появление эффектов резидентной концентрации, которые имеют место в целом ряде зарубежных случаев.

Важно акцентировать внимание, каких мигрантов притягивают места резидентной концентрации: иными словами, какие люди чаще переезжают в такие места, имея опыт проживания в другом районе. Признавая в этом и иных тематических блоках исследования важность учета индивидуальных различий в траекториях мигрантов, могут быть сделаны обобщенные выводы о тех, кто в большей степени склонен к переезду в районы с высокой долей мигрантов из других районов. Анализ показал, что такой траектории скорее придерживаются мигранты-мужчины; образованные мигранты; мигранты, в совершенстве владеющие русским языком, что не позволяет рассматривать МРК в качестве анклавов бедности, которые привлекают мигрантов исключительно из низших социальных слоев²⁴, не знающих русский язык²⁵ [Илинбаева 2016].

Чем же на самом деле являются места резидентной концентрации для мигрантов? При ответе на этот вопрос могут использоваться описанные в литературе модели. Согласно первой, МРК – это своего рода «ворота» в принимающее общество: в таких районах мигранты почти никогда не живут долго и, немного заработав, переселяются в другие районы, в которых доля соотечественников меньше. Как уже отмечалось выше, данная модель вряд ли применима к российскому случаю, поскольку мигранты, уезжающие из МРК, не характеризуются большим накопленным капиталом. В рамках другой модели МРК – это пространства бедности, где мигранты могут жить поколениями, не имея ресурсов для переезда

²⁴ Соколова М. (2016) Анклавы, ОПГ, террористические ячейки и сифилис: миграционные проблемы в России только усугубляются // Новый день. 7 июня 2023 // <https://dzen.ru/a/Z1C1UPkVrkXyFxiA>, дата обращения 01.09.2025.

²⁵ Тревожный признак: почему мигранты объединяются в анклавы, опасно ли это для России (2024) // NEWS.ru. 26 декабря 2024 // <https://dzen.ru/a/Z22N-X7nKAKaEllrR>, дата обращения 01.09.2025.

в лучший район. Такая ситуация также едва ли релевантна для описания российского случая, поскольку проживание в МРК не связано с негативными характеристиками вроде низких профессиональных позиций и отсутствия образования. Наконец, последняя из моделей – модель «этнобурба» – предполагает, что районы с высокой концентрацией мигрантов являются привлекательными для мигрантов местами жительства, где прочные социальные связи создают условия для развития предпринимательства.

Применительно к российскому контексту можно сказать, что наиболее достоверно описывает реальность именно модель «этнобурба», хотя при описании моделей складывания МРК могут быть выделены и специфичные для российского случая модели [Varshaver et al. 2025]. Безусловно, сходство российского случая с моделью «этнобурба» не является полным, по крайней мере, в том, что касается генезиса таких мест (в России МРК – это жилые единицы вблизи крупных рынков, в зарубежной литературе этнобурбы – это пригороды, не обязательно связанные с конкретным местом приложения труда). Тем не менее при сравнении описанных в литературе моделей мест резидентной концентрации с российским случаем именно этнобурбы наилучшим образом описывают роль МРК в пространственных траекториях мигрантов. Места резидентной концентрации в российских городах-миллионниках, располагаясь вблизи крупных вещевых или продуктовых рынков, являются относительно небольшими и в целом не генерируют для мигрантов негативные эффекты и определенно не являются тем, что в СМИ часто понимается под «этническими анклавами»: они не представляют собой территории застойной бедности, где мигранты говорят исключительно на своем языке и не имеют высшего образования. По некоторым причинам районы с высокой долей мигрантов привлекают более образованных мигрантов и мигрантов, лучше знающих русский язык, возможно, в связи с удобной мигрантской инфраструктурой (халяльными лавками, этническими кафе и др. [Андреева и др. 2020]), наличием социальных связей с другими мигрантами, позволяющими извлекать те или иные выгоды от пребывания в таком районе (например, создание этнического бизнеса или «кружков по интересам» [Андреева и др. 2020]), и потенциально более простым доступом детей в школы.

Отдельно следует упомянуть о методе исследования и его потенциальных ограничениях. Ответы респондентов были собраны с помощью онлайн-опроса с таргетингом через социальные сети, а часть из них – с применением гиперлокального таргетинга, который позволил получить ответы большего числа мигрантов-жителей МРК, усилив статистические выводы. Несомненным преимуществом такого метода является тот факт, что исследователи могут связаться с той частью населения, которую трудно достичь в силу закрытого характера рабочих мест мигрантов или их дисперсного расселения по территории города [Rocheva et al. 2022]. В то же время применительно к онлайн-таргетингу важным моментом становится обсуждение потенциального смещения и ограничения выборки, так как не все мигранты пользуются социальными сетями, имеют аккаунт в тех социальных сетях, в которых проводится таргетирование, просматривают новостную ленту и т. д. В подмассив данных, собранных по поточной выборке и использованных для анализа пространственных траекторий, вошли 1154 анкеты мигрантов первого поколения в возрасте старше 18 лет, которые находились или проживали в России и которые относили себя к одной из мигрантских категорий.

Из них 231 респондент проживал в МРК мигрантов в одном из девяти рассмотренных городов-миллионников, 923 респондента – в других районах города. Необходимо иметь в виду потенциальное смещение выборки в пользу более образованных мигрантов и мигрантов, погруженных в активную онлайн-коммуникацию, из-за чего результаты исследования могут оказаться более «оптимистичными», чем есть на самом деле, в плане роли мест резидентной концентрации в траекториях мигрантов. Однако, несмотря на это замечание, данное исследование вносит важный вклад в тематическую область исследования, являясь одной из пионерских работ по изучению пространственных траекторий мигрантов в российских городах.

Список источников

- Авдашкин А.А. (2021) «Этнические рынки» в пространстве российского города (на примере Челябинска) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. Т. 10. № 1. С. 80–90 // <https://udman.ru/ru/zhurnaly/istoriko-kulturnoe-nasledie/arkhiv-nomerov/istoriko-kulturnoe-nasledie-1-10-2021-/80-90.pdf>, дата обращения 12.12.2025.
- Андреева А.С., Иванова Н.С., Варшавер Е.А. (2020) Являются ли Котельники этномиграционным анклавом? Кейс-стади города-спутника Москвы на предмет этномиграционных характеристик его жителей // Городские исследования и практики. Т. 5. № 4. С. 54–72. DOI: 10.17323/usp54202054-72
- Бедрина Е.Б., Панышина Д.А. (2017) Этнические анклавы на картах современных мегаполисов: причины формирования и последствия // Акулич М.М. (ред.) Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты. Материалы X Тюменского международного социологического форума. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета. С. 553–557.
- Варшавер Е.А., Иванова Н.С., Рочева А.Л. (2022) Когда и почему мигранты приобретают жилье в России и как это связано с интеграцией? // Мониторинг общественного Мнения: экономические и социальные перемены Т. 168. № 2. С. 223–247. DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.1910
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. (2021) Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция. М.: Дело.
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Ермакова М.А. (2020) Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение Т. 19. № 2. С. 225–253. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-2-225-253
- Вендина О.И. (2004) Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // Вестник общественного мнения. Т. 71. № 3. С. 52–64 // <https://cyberleninka.ru/article/n/mogut-li-v-moskve-vozniknut-etnicheskie-kvartaly/viewer>, дата обращения 12.12.2025.
- Деминцева Е.Б. (2020) От «заводской» до «мигрантской» школы: (пост)советская школьная сегрегация в городском пространстве // Laboratorium. Журнал социальных исследований. Т. 12. № 1. С. 152–182. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-1-152-182
- Дятлов В.И., Григоричев К.В. (2013) Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Иркутск: Оттиск.
- Ермакова М.А., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. (2020) Характеристики проживания и интеграции мигрантов в Москве и Московской области // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. № 2. С. 363–381. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381
- Иванова Н.С. (2023) Влияние мест резидентной концентрации мигрантов на интеграцию мигрантов второго поколения в России // Журнал Сибирского федерального государственного университета. Гуманитарные науки. Т. 16. № 1. С. 42–60 // https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/149737/04_Ivanova.pdf;jsessionid=DBE52789CCB4A275B66A322BE45863A1?sequence=1, дата обращения 12.12.2025.

- Илинбаева Е.А. (2016) К вопросу образования анклавов мигрантов // XI Международная конференция «Российские регионы в фокусе перемен». Екатеринбург: УМЦ УПИ. /С. 328–337.
- Лысенко И.С. (2008) Специфика этнического состава населения Красноярского края конца XX – начала XXI века // Вестник НГУ. Серия: История, филология Т. 7. № 3. С. 175–182.
- Мадюкова С.А., Персидская О.А. (2017) Анклавизация как стратегия межэтнических взаимодействий в крупном городе (на примере Новосибирска) // ЭКО. № 10. С. 36–51 // <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/209438655>, дата обращения 12.12.2025.
- Пешкова В.М. (2015) Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. Т. 24. № 2. С. 129–151 // <https://mirros.hse.ru/article/view/4937/5302>, дата обращения 12.12.2025.
- Флоринская Ю.Ф. (2023) Трудовая миграция в Россию (на примере московского региона): уехать нельзя остаться // Демографическое обозрение. Т. 10. № 4. С. 69–85. DOI: 10.17323/demreview.v10i4.18809
- Трушкова Е.А. (2018) Феномен этнических анклавов и его отражение в научных исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Социология. Т. 11. № 3. С. 377–391. DOI: 10.21638/spbu12.2018.308
- Щербакова Е.М. (2022) Иностранная рабочая сила в России по итогам 2021 года // Демоскоп Weekly. № 941–942 // <https://www.demoscope.ru/weekly//2022/0941/barom01.php>, дата обращение 05.09.2025.
- Alba R., Deane G., Denton N., Disha I., McKenzie B., Napierala J. (2013) The Role of Immigrant Enclaves for Latino Residential Inequalities // Journal of Ethnic and Migration Studies, vol. 40, no 1, pp. 1–20. DOI: 10.1080/1369183X.2013.831549
- Burgess E.W. (1925) The Growth of the City: An Introduction to a Research Project // The City (eds. Park R.E., Burgess E.W., Mc Kenzie R.D.), Chicago: University of Chicago Press, pp. 47–63.
- Cressey P. (1938) Population Succession in Chicago: 1898–1930 // American Journal of Anthropology, vol. 44, no 1, pp. 59–69. DOI: 10.1086/217916
- Demintseva E.B. (2017) Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement // Journal of Ethnic and Migration Studies, vol. 43, no 15, pp. 2556–2572. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1294053
- Hartog J., Zorlu A. (2009) Ethnic Segregation in the Netherlands: An Analysis at Neighborhood Level // International Journal of Manpower, vol. 40, no 1/2, pp. 15–25. DOI: 10.1108/01437720910948366
- Jahn J. (1950) The Measurement of Ecological Segregation: Derivation of an Index Based on the Criterion of Reproducibility // American Sociological Review, no 15, pp. 101–104. DOI: 10.2307/2086407
- Kashnitsky I., Gunko M. (2016) Spatial Variation of In-Migration to Moscow: Testing the Effect of Housing Market // Cities, no 59, pp. 30–39. DOI: 10.1016/j.cities.2016.05.025
- Lazear E. (1999) Culture and Language // Journal of Political Economy, no 107, pp. 95–126.
- Li W. (1998) Building Ethnoburbia: The Emergence and Manifestation of the Chinese Ethnoburb in Los Angeles' San Gabriel Valley // Journal of Asian American Studies, vol. 2, no 1, pp. 1–28. DOI: 10.1353/jaas.1999.0009
- Li Z., Ma L.J.C., Xue D. (2009) An African Enclave in China: The Making of a New Transnational Urban Space // Eurasian Geography and Economics, vol. 50, no 6, pp. 699–719. DOI: 10.2747/1539-7216.50.6.699
- Liang H. (2025) Beyond Gateways: Unraveling Residential Mobility and Integration In and Out of Chinatowns // International Migration Review, vol. 50, no 5, pp. 699–719. DOI: 10.1177/01979183241305404
- Lumley-Sapanski A. (2020) Explaining Contemporary Patterns of Residential Mobility: Insights from Resettled Refugees in Chicago // Geoforum, no 116, pp. 1–11. DOI: 10.2747/1539-7216.50.6.699
- Massey D.S., Denton N.A. (1985) Spatial Assimilation as a Socioeconomic Outcome // American Sociological Review, vol. 50, no 1, pp. 94–106. DOI: 10.2307/2095343

- Massey D.S., Denton N.A. (1988) The Dimensions of Residential Segregation // *Social Forces*, vol. 68, no 2, pp. 281–315. DOI: 10.2307/2579183
- Park R.E., Burgess E.W. (1921) *Introduction to the Science of Sociology*, Chicago: Chicago Press.
- Rocheva A.L., Varshaver E.A., Ivanova N.S. (2022) Targeting on Social Networking Sites as Sampling Strategy for Online Migrant Surveys: The Challenge of Biases and Search for Possible Solutions // *Migration Research in a Digitized World*. IMISCOE Research Series (eds. Pötzschke S., Rinken S.), Cham: Springer, pp. 35–57.
- Sheng M., Gu C., Wu W. (2019) To Move or to Stay in a Migrant Enclave in Beijing: The Role of Neighborhood Social Bonds // *Journal of Urban Affairs*, vol. 41, no 3, pp. 338–353. DOI: 10.1080/07352166.2017.1324248
- Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S., Egorova T.D. (2025) Mechanisms of Formation of Migrant Residential Concentration Areas in the Context of a Postsocialist City: Evidence from Russia's 15 Largest Cities // *Nationalities Papers*, vol. 53, no 2, pp. 426–448. DOI: 10.1017/nps.2024.14
- Zhou M., Tseng Y.-F., Kim R.Y. (2008) Rethinking Residential Assimilation: The Case of a Chinese Ethnoburb in the San Gabriel Valley, California // *Amerasia Journal*, vol. 34, no 3, pp. 55–83. DOI: 10.17953/amer.34.3.y08124j33ut846v0

Russian Ethnoburbs? The Role of Migrant Residential Concentration Areas in the Spatial Trajectories of Migrants in Million-Plus Cities

A.A. ORLOVA*, E.A. VARSHAVER**, N.S. IVANOVA***

***Anastasia A. Orlova** – Researcher of the Group for Ethnicity and Migration Research, Research Assistant of the Centre for Regional Research and Urban Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; orlova-aa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4245-5113>

****Evgeni A. Varshaver** – PhD in Sociology, Head of the Group for Ethnicity and Migration Research, Acting Head of the Centre for Regional Research and Urban Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; varshaver@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

*****Nataliya S. Ivanova** – MA in Sociology, Leading Researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research, Researcher at the Centre for Regional Research and Urban Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; nataliya.ivanova.0709@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

Citation: Orlova A.A., Varshaver E.A., Ivanova N.S. (2026) Russian Ethnoburbs? The Role of Migrant Residential Concentration Areas in the Spatial Trajectories of Migrants in Million-Plus Cities. *Mir Rossii*, vol. 35, no 2, pp. 126–150 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-2-126-150

Abstract

There is a heightened focus in Russia on issues related to the emergence of “migrant districts” in Russian cities. Although there are studies devoted to the formation of residential concentration

This article was written as part of the RANEPА state assignment research program.

The article was received in October 2025.

areas and topics that touch upon the specifics of migrants' lives in such places, the question of the role of these areas in migrants' residential trajectories remains unexplored. Based on data collected through a survey on social networks using hyper-local targeting techniques, which allow people actually residing in specific districts to complete the questionnaire, this article describes the residential trajectories of migrants in Russian million-plus cities. By analyzing the characteristics of migrants with different trajectories, the article addresses the question of what these places are for migrants in reality: gateways into the city, through which migrants later disperse to other districts; long-term intergenerational places of residence; or something else.

According to the results, most migrants do not live in residential concentration areas. However, the migrants who do live in such districts may move there after living in other districts. Migrants residing in residential concentration areas do not differ from residents of other districts in Russian language proficiency, social environment, educational level, or occupational positions; however, despite lower income, they paradoxically acquire real estate more often. The authors propose considering residential concentration areas "ethnoburbs"; places where migrants arrive with families and the intention to stay in Russia long term, deriving a number of residential advantages, such as the presence of migrant infrastructure and social ties. Residential concentration areas tend to attract male migrants, educated migrants, and those fluent in Russian, which prevents these places from being regarded as poverty enclaves attracting migrants from lower social strata. Given the limitations associated with targeting respondents via social networks, discussed in detail in the article, the findings can serve as a pilot study of the role of residential concentration areas in migrants' residential trajectories in Russia.

Keywords: migrants, migrant characteristics, residential concentration areas, urban districts, residential trajectories, million-plus cities

References

- Alba R., Deane G., Denton N., Disha I., McKenzie B., Napierala J. (2013) The Role of Immigrant Enclaves for Latino Residential Inequalities. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 40, no 1, pp. 1–20. DOI: 10.1080/1369183X.2013.831549
- Andreeva A.S., Ivanova N.S., Varshaver E.A. (2020) Does Kotelniki Qualify as an Ethnic and Migrant Enclave? A Case-Study of Residents' Ethnic and Migration Origins in Kotelniki, a Moscow Satellite City. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 4, pp. 54–72 (in Russian). DOI: 10.17323/usp54202054-72
- Avdashkin A.A. (2021) "Ethnic" Markets in the Space of the Russian City (on the Example of Chelyabinsk). *Historical and Cultural Heritage of the Ural-Volga Region Peoples*, vol. 10, no 1, pp. 80–90. Available at: <https://udman.ru/ru/zhurnaly/istoriko-kulturnoe-nasledie/arkhiv-nomerov/istoriko-kulturnoe-nasledie-1-10-2021-/80-90.pdf>, accessed 12.12.2025 (in Russian).
- Bedrina E.B., Panshina D.A. (2017) Ethnic Enclaves on the Maps of Modern Megacities: Causes of Formation and Consequences. *Dynamics of Social Transformation in Russian Society: Regional Aspects. Proceedings of the 5th Tyumen International Sociological Forum* (ed. Akulich M.M.), Tyumen: Tyumen State University Publishing House, pp. 553–557 (in Russian).
- Burgess E.W. (1925) The Growth of the City: An Introduction to a Research Project. *The City* (eds. Park R.E., Burgess E.W., Mc Kenzie R.D.), Chicago: University of Chicago Press, pp. 47–63.
- Cressey P. (1938) Population Succession in Chicago: 1898–1930. *American Journal of Anthropology*, vol. 44, no 1, pp. 59–69. DOI: 10.1086/217916

- Demintseva E.B. (2017) Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 43, no 15, pp. 2556–2572. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1294053
- Demintseva E.B. (2020) From “Factory” to “Migrant” School: (Post-)Soviet School Segregation in Urban Space. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, vol. 12, no 1, pp. 152–182 (in Russian). DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-1-152-182
- Dyatlov V.I., Grigoriev K.V. (2013) *The Resettlement Society of Asian Russia: Migrations, Spaces, and Communities*, Irkutsk: Ottisk (in Russian).
- Ermakova M.A., Varshaver E.A., Ivanova N.S. (2020) Features of Settlement and Integration of Migrants in Moscow and the Moscow Region. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 20, no 2, pp. 363–381. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381
- Florinskaya Y. (2023) Labor Migration to Russia (Using the Example of the Moscow Region): You Can’t Leave and Stay. *Demographic Review*, vol. 10, no 4, pp. 69–85 (in Russian). DOI: 10.17323/demreview.v10i4.18809
- Hartog J., Zorlu A. (2009) Ethnic Segregation in the Netherlands: An Analysis at Neighborhood Level. *International Journal of Manpower*, vol. 40, no 1/2, pp. 15–25. DOI: 10.1108/01437720910948366
- Ilinbaeva E.A. (2016) On the Formation of Migrant Enclaves. *XI International Conference “Russian Regions in the Focus of Changes”*, Yekaterinburg: UPMC Publishing House, pp. 328–337 (in Russian).
- Ivanova N.S. (2023) The Effect of Residential Concentration of Migrants on the Integration of Second Generation Migrants in Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 16, no 1, pp. 42–60. Available at: https://elibrary.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/149737/04_Ivanova.pdf;jsessionid=D-BE52789CCB4A275B66A322BE45863A1?sequence=1, accessed 12.12.2025 (in Russian).
- Jahn J. (1950) The Measurement of Ecological Segregation: Derivation of an Index Based on the Criterion of Reproducibility. *American Sociological Review*, no 15, pp. 101–104. DOI: 10.2307/2086407
- Kashnitsky I., Gunko M. (2016) Spatial Variation of In-Migration to Moscow: Testing the Effect of Housing Market. *Cities*, no 59, pp. 30–39. DOI: 10.1016/j.cities.2016.05.025
- Lazear E. (1999) Culture and Language. *Journal of Political Economy*, no 107, pp. 95–126.
- Li. W. (1998) Building Ethnoburbia: The Emergence and Manifestation of the Chinese Ethnoburb in Los Angeles’ San Gabriel Valley. *Journal of Asian American Studies*, vol. 2, no 1, pp. 1–28. DOI: 10.1353/jaas.1999.0009
- Li Z., Ma L.J.C., Xue D. (2009) An African Enclave in China: The Making of a New Transnational Urban Space. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 50, no 6, pp. 699–719. DOI: 10.2747/1539-7216.50.6.699
- Liang H. (2025) Beyond Gateways: Unraveling Residential Mobility and Integration In and Out of Chinatowns. *International Migration Review*, vol. 50, no 5, pp. 699–719. DOI: 10.1177/01979183241305404
- Lumley-Sapanski A. (2020) Explaining Contemporary Patterns of Residential Mobility: Insights from Resettled Refugees in Chicago. *Geoforum*, no 116, pp. 1–11. DOI: 10.2747/1539-7216.50.6.699
- Lysenko I.S. (2008) The Specificity of the Ethnic Structure of the Krasnoyarsk Region Population the End of the XX Century – Beginning of the XXI Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 7, no 3, pp. 175–182 (in Russian).
- Madyukova S.A., Persidskaya O.A. (2017) Enclavization as a Strategy of Interethnic Interactions in a Large City (on the Example of Novosibirsk). *ECO*, no 10, pp. 36–51. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/209438655>, accessed 12.12.2025 (in Russian).
- Massey D.S., Denton N.A. (1985) Spatial Assimilation as a Socioeconomic Outcome. *American Sociological Review*, vol. 50, no 1, pp. 94–106. DOI: 10.2307/2095343
- Massey D.S., Denton N.A. (1988) The Dimensions of Residential Segregation. *Social Forces*, vol. 68, no 2, pp. 281–315. DOI: 10.2307/2579183
- Park R.E., Burgess E.W. (1921) *Introduction to the Science of Sociology*, Chicago: Chicago Press.

- Peshkova V.M. (2015) Migrant Infrastructure in Russian Cities (the Case of Labour Migrants from Uzbekistan and Kyrgyz in Moscow). *Mir Rossii*, vol. 24, no 2, pp. 129–151. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/4937/5302>, accessed 12.12.2025 (in Russian).
- Rocheva A.L., Varshaver E.A., Ivanova N.S. (2022) Targeting on Social Networking Sites as Sampling Strategy for Online Migrant Surveys: The Challenge of Biases and Search for Possible Solutions. *Migration Research in a Digitized World. IMISCOE Research Series* (eds. Pötzschke S., Rinken S.), Cham: Springer, pp. 35–57.
- Sheng M., Gu C., Wu W. (2019) To Move or to Stay in a Migrant Enclave in Beijing: The Role of Neighborhood Social Bonds. *Journal of Urban Affairs*, vol. 41, no 3, pp. 338–353. DOI: 10.1080/07352166.2017.1324248
- Sherbakova E.M. (2022) Foreign Labor Force in Russia at the End of 2021. *Demoscope Weekly*, no 941–942. Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly///2022/0941/barom01.php>, accessed 05.09.2025 (in Russian).
- Trushkova E.A. (2018) The Phenomenon of Ethnic Enclave and its Reflection in Scientific Research. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, vol. 11, no 3, pp. 377–391 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu12.2018.308
- Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S., Egorova T.D. (2025) Mechanisms of Formation of Migrant Residential Concentration Areas in the Context of a Postsocialist City: Evidence from Russia's 15 Largest Cities. *Nationalities Papers*, vol. 53, no 2, pp. 426–448. DOI: 10.1017/nps.2024.14
- Varshaver E.A., Ivanova N.S., Rocheva A.L. (2022) Why and When Do Migrants in Russia Come to Homeownership and How Is It Related to Integration? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, vol. 168, no 2, pp. 223–247 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.1910
- Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S., Andreeva A.S. (2021) *Migrants in Russian Cities: Settlement, Concentration, and Integration*, Moscow: Delo (in Russian).
- Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S., Ermakova M.A. (2020) Residential Concentrations of Migrants in Russian Cities: Is There a Pattern? *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 2, pp. 225–253 (in Russian). DOI: 10.17323/1728-192x-2020-2-225-253
- Vendina O.I. (2004) Could Ethnic Neighborhoods Emerge in Moscow? *Bulletin of Public Opinion*, vol. 71, no 3, pp. 52–64. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mogut-li-v-moskve-vozniknut-znicheskie-kvartaly/viewer>, accessed 12.12.2025 (in Russian).
- Zhou M., Tseng Y.-F., Kim R.Y. (2008) Rethinking Residential Assimilation: The Case of a Chinese Ethnoburb in the San Gabriel Valley, California. *Amerasia Journal*, vol. 34, no 3, pp. 55–83. DOI: 10.17953/amer.34.3.y08124j33ut846v0